

КНИЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Живет в Петербурге человек, которого в писательской среде раньше ласково звали «единственным читателем». Литераторы — люди хоть и самодовольные, но самокритичные и любят шутить, что, кроме коллег, никто их книг не читает. А тут — вот, пожалуйста, бескорыстный ценитель словесности. Следящий за всеми новинками и посещающий все творческие вечера и посиделки. К тому же заметный: не робко молчаливый поклонник, но шумный трибун, всегда готовый обрушить на ту или эту писательскую голову шквал наисуровойшей критики.

Теперь этот человек из «читателей» перешел в «писатели» — то ли среда додела, то ли накопившиеся впечатления прорвали плотину. Хозяйка «Книжного клуба» захотелось поговорить с автором книги «Жениться на Англичанке» Сашей Либуркиным о постигшем его превращении.

Метаморфоза одного читателя

— Согласно распространенному мнению, стихи, как правило, начинают писать в юности, а вот к прозе можно обратиться в каком угодно возрасте. Но все-таки, наверное, у зрелого человека психологический барьер, мешающий ему заняться чем-то новым, мощнее в принципе... Был ли этот барьер у вас?

— Да, конечно, такой барьер был, и очень сильный. Я начал писать в пятьдесят и раньше никогда не видел себя творческим человеком. «Творчество, Саша, — это не для тебя, это для других», — говорил я себе. Если бы лег пятнадцать назад кто-нибудь предсказал мне, что я напишу и издам книгу, я бы этого человека вежливо послал куда-нибудь подальше. До сих пор каждый раз, когда я сажусь писать очередной текст, мне приходится пре-

одолевать себя, преодолевать страх перед неудачей, перед чистым листом. Это очень трудно. Я сто раз обдумываю каждое слово, прежде чем его написать, потому что я отвечаю за каждое написанное мною слово. Нет, хладнокровным, равнодушным профессиональным писателем, автором многочисленных романов и пьес мне уже не стать.

— В ваших рассказах фигурируют реальные лица: петербургские поэты, прозаики, критики, художники. Причем выведенные под настоящими именами. Как они реагируют, узнавая себя? Вот Аркадий Драгомощенко, если верить вашей книге, сам предложил написать про него...

— Это вам только кажется, что мои герои — реальные люди. На самом деле это персонажи художественных произведений. Обя-

Саша Либуркин.

жались прототипы? Не часто. Было такое раза два или три. Но потом мы мирились. И действительно, некоторые писатели прямо просили и просят меня написать о них что-нибудь, но на заказ — я не умею.

— Вы пишете только для «своих» или надеетесь, что ваши произведения будут интересны и так называемому рядовому читателю?

— Я пишу для широкого круга, и не просто знаю — убежден, что мои рассказы интересны самым обыкновенным читателям, каких у меня немало в Живом журнале.
Фото Дмитрия ШАБАНОВА

ДАВАЙТЕ ПОЧИТАЕМ

Мы публикуем отрывок из романа Антона Познизовского «Обращение в слух»

Рассказ о белой короле, добром генерале и запрещенном огурце

Когда война началась, отца забрали на фронт, мы остались с матерью. Мать наполнила слепая, отца нет, бедность жуткая! Вот такой голый дом, половина фанерой была отгорожена, там иконы висели, одна кровать и печка. Мы с сестрой на печке сидим, а на потолке мел — ну и начинаем баловаться. Мать берет, кочергой или венчиком нас: «Лихоманки! А печка обломится?! в чем мы хлебы-то будем печь?»

Вот говорят много о ветеранах, кто воевал — я им дань отдаю. Но ведь женщины-то, которые одни остались — они-то что пережили?

Я помню, война была: выйдешь — волки ходили. Прямо вот — волков видели. Ночью корова во дворе: «ду-ду-ду, ду-ду-ду!» Мать: «Ой, ой, у соседки вчера волк овцу трех зарезал! И моих, наверно, всех...» — а во двор выйти боится: темно, да еще и слепая...

Утром встала, Богу молится... Выходим, смотрим — в зарево вот такая огромная яма! Волк прокопал. Корова стоит вся мок-

рая, дрожит, овцы под нее все забились — они всегда под корову туда забиваются от волков...

Я это запомнила на всю жизнь: ночь холодная, зимняя, война, отец на фронте... Во двор боимся выходить: темнота...

Или, помню, теленок на улице перемерз: мать в дом его принесла, а он начал околевать... Боже мой! Как она упала перед иконой, как Богу молилась: «Господи! Спаси!» Если она теленка не сдст — значит, семья на весь год голодными останется. Деньги-то не давали в колхозе, но хлеб какой-то давали, зерно давали...

Мы, дети, болели, с температурой валились на печку — на нас никто внимания не обращал, а за скотину вот так она переживала...

Сейчас говорят: «В детдомовских детях плохо». А я завидовала детдомовским детям. Они были ухоженные, даже во время войны, были чистенькие, они имели свой огород, свиной разводили... А мы ходили гнилую картошку искали по полю. Сестра с тридцати девяти-го года, я с тридцати седьмого. Она всегда

радовалась, что мы больше всех понабрали. Мать из-под снега эту гнилую картошку — толкла, кашу какую-то нам варила...

И старшая сестра тоже — они три подружки ходили в поле работать. Копали картошку, копали капусту... Приносили кусочек капусты, чтоб щи сварить. А с поля нельзя было брать, вы знаете. Они прятали эту капусту вот здесь, под телогрейку. Осень, все ледяное. И обе эти старшие девочки умерли от воспаления легких.

Но самый-то голод — вы знаете, когда наступил? Уже война кончилась, это был сорок восьмой год. Ой, какой это голодный был год, это что-то невероятное. Из Саратовской области шли к нам люди, лягушек ели, и голубей ели, и грачей ели... Ребята пухли... Столько ходило голодных, нищих, на гармошке играли, просили... А большие люди — заставляли брать в дом. Если на улице человек лежит — насылью в дом приводили, и не имел права выгнать. А кормить то их — чем?

Я помню, пришел брат и говорит: «Папан,

там бабушка одна лежит у нас в сенях». Ну, отец бригадиром был, он пошел к председателю колхоза — ее у нас взяли...

Отец — огородник был страшный. Насажал, говорит: «Ребята! небось не помрем. Свеколка вылезла, и огурчик тоже один появился. Но вы пока не трогайте ничего».

А сестра маленькая была... (Нас всего девять было детей, я восьмая.) Сестре года три: она как услышала про огурец — а сорвать-то он ей не велел! Она пошла в огород, села на колени и съела половину этого огурца прямо на грядке, а половину оставила, представляете?..

И я тоже, не помню, куда мать ушла... ну, куда-то ушла, а я на эти полки, где она лежит — нозоточками все выковыривала, думала: а вдруг кусочек крошечки там найдут?..

Это вот сейчас мы живем, вроде все небольшие живем...

Я девочкам своим говорю (они за границу едрили отдыхать) — говорю, не выбрасывайте, экономьте там на еде, на пакетах, — они даже слышать меня не хотят...

НОВОСТИ ОТ КНИГОЧЕЕВ

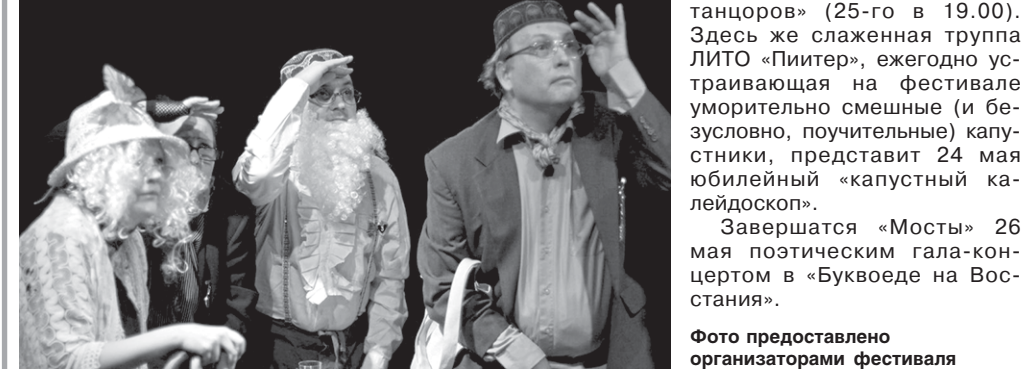
X МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОСТЫ»...

...откроется 17 мая в 17.00 поэтической акцией на Банковском мосту. А продолжится — выступлениями стихотворцев, съехавшихся со всего мира, презентациями журналов и новых книг; традиционными конкурсами — «Первый автограф», «Четвероногая ворона», «Заблудившийся трамвай».

Не преувеличивая (ну разве только чуть-чуть), можно сказать, что местом проведения юбилейных «Мостов» станет весь город. Участников и гостей фестиваля ждут Дом писателя (Звенигородская ул., 22), «Буквоед на Восстания», клуб «Книги и кофе», Музей В. В. Набокова, Российская национальная библиотека, «Наш театр» (ул. Добролюбова, 3), Интеграционный театр «Куклы» (ул. Жака Дюкло, 6).

В «Куклах» помимо всего остального впервые в истории «Мостов» пройдут театрализованные чтения мини-пьес современных петербургских авторов (22 мая в 19.00) и «Moving poetry» — перформансы на стихи современных поэтов в исполнении «креативных танцоров» (25-го в 19.00). Здесь же слаженная труппа ЛИТО «Пиитер», ежегодно устраивающая на фестивале уморительно смешные (и безумно, поучительные) капустники, представит 24 мая юбилейный «капустный калейдоскоп».

Завершатся «Мосты» 26 мая поэтическим гала-концертом в «Буквоеде на Восстания».

Один из фестивальных капустников былых времен.

Фото предоставлено организаторами фестиваля

КНИГУ «ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ. СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»...

Дмитрий Петров.

...представит 17 мая в 19.00 в «Буквоеде на Восстания» писатель и публицист Дмитрий Петров.

В прошлом году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Петрова «Василий Аksenov». Но объем издания, определенный форматом, не вместил ни всех собранных исследователем материалов, ни его мыслей о любимом писателе.

«И потом Аksenov — человек такого огромного таланта и такой неисчерпаемо богатой судьбы, что уже через несколько дней после сдачи рукописи стала появляться новая информация о его жизни, — рассказывал Дмитрий Павлович в одном из интервью. — И еще, еще, еще... Новые люди, новые интервью... И всем хотелось поделиться».

Интерес Петрова к Василию Аksenovu начался с того, что девяностоклассником он прочел опубликованный в «Новом мире» очерк «Круглые сутки нон-стоп».

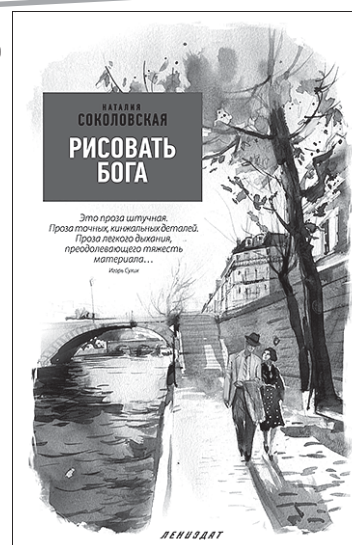
«Текст меня потряс. Это был совершенно ни на что не похожий язык».

Лично познакомиться с Аksenovым его будущему биографу довелось в 2004 году.

«В жизни Аksenov был джентльменом: сдержанным, знающим себе цену, постоянно думающим над тем, что он говорит, модным и стильным».

НОВОЕ НА ПОЛКУ

Наталья СОКОЛОВСКАЯ РИСОВАТЬ БОГА

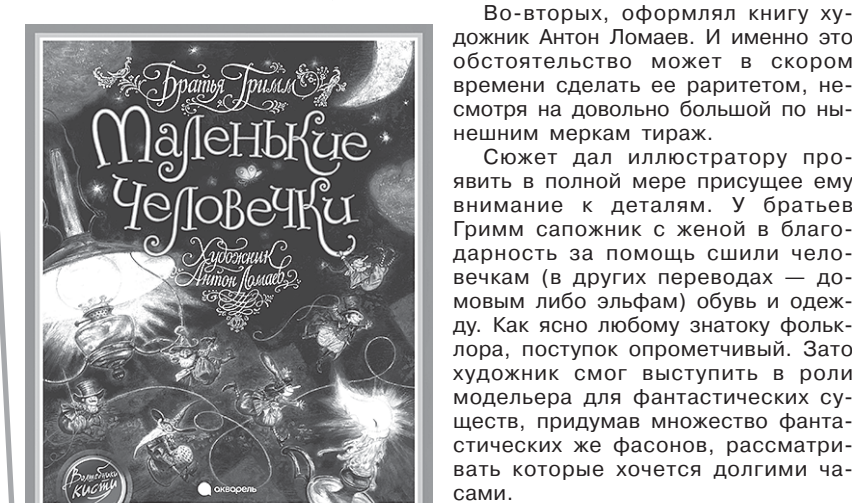
«Лениздат», «Команда А» Новая книга Натальи Соколовской, автора «Литературной рабыни» и сборника повестей и рассказов «Любовный канон», — роман о двух людях с одной фамилией. Станислав Казимирович Поляна, молодой уже петербуржец, который и сам себя в мыслях, кажется, зовет только уменьшительно-снисходительным Славик, находит тетрадь с дневником своего дальнего родственника Теодора Поляна. Тот был поэтом, переехал по воле любимой женщины из Парижа в Ленинград, умер молодым — сгинул в сталинских концлагерях. Станислав Поляна, который однажды решил, что его попросту не существует, раскапывая чужое прошлое, обретает себя — и в прошлом, и в настоящем.

«Жизнь, которую он пропустил, вдруг случилась с ним в последние несколько месяцев одновременно. Здесь было всё: детство, война, любовь, стихи, странствия, гибель, и снова любовь...»

И все это написано «прозой точных, кинжалных деталей», как сказал литературовед Игорь Сухих, «прозой легкого дыхания, преодолевающей тяжесть материала».

Братья ГРИММ МАЛЕНЬКИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

«Акварель», «Команда А» Новое издание старой сказки привлекает внимание двумя моментами. Во-первых, в нем использован пересказ А. Введенского под редакцией С. Маршака, а не какой-либо из более известных переводов. А ведь мало что сейчас помнит, что поэт-обэриут много работал для детей — переводил, переклаивал, писал стихи. В этом смысле товарищам Введенского по Объединению Реального Искусства, Хармсу и Олейникову, повезло больше.

Во-вторых, оформила книгу художник Антон Ломаев. И именно это обстоятельство может в скором времени сделать ее раритетом, несмотря на довольно большой по нынешним меркам тираж.

Сюжет дал иллюстратору проявить в полной мере присущее ему внимание к деталям. У братьев Grimm сапожник с женой в благодарности за помощь сшили человечкам (в других переводах — домовым либо эльфам) обувь и одежду. Как ясно любому знатоку фольклора, поступок опрометчивый. Зато художник смог выступить в роли модельера для фантастических существ, придумав множество фантастических же фасонов, рассматривать которые хочется долгими часами.

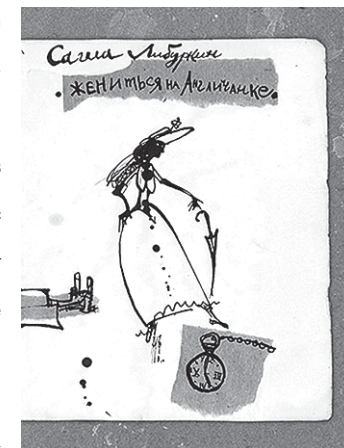
Саша ЛИБУРКИН ЖЕНИТЬСЯ НА АНГЛИЧАНКЕ

«Красный матрос» Авторы, пришедшие в «бумажную» литературу из сетевой, блогеры с яркими текстами, сумевшие не затеряться среди тысяч и тысяч своих виртуальных собратьев, — привычное уже явление. Но прозаик-дебютант, чью книгу с изящно-ироничными иллюстрациями Артура Молева выпустил «Красный матрос», среди этой пестрой и многоликой компании наособицу.

Написанные от первого лица рассказы повествуют о жизни лирического героя (как ни странно, тоже Саши Либуркина), выходя из маленького молдавского городка, в Петербурге, в окружении деятелей литературы и искусства. Имена Павла Крусанова, Всеволода Емелина, Виктора Топорова, Татьяны Толстой, Юлии Беломлинской и прочих, прочих, прочих вписаны в карту «заповедных» мест: арт-галерея «Борей», музей «Эрарта», поэтический клуб XL.

Это не «летопись петербургского подполья», как охарактеризовал сборник один из рецензентов, и не документальная проза. Скорее — что и интересно — Либуркин с помощью своего нарочито простодушного и восторженно-лукавого alter ego, создает миф. Который, возможно, даст потомкам столь же причудливое и все же верное представление о быте и нравах наших классиков-современников, как нам о богемном Париже 20-х — сплошь субъективная и несомненно беллетристическая «Автобиография Алисы Б. Токлас» Гертруды Стайн.

(Интервью Саши Либуркина — на 6-й странице Книжного клуба.)

Антон ПОЗНИЗОВСКИЙ ОБРАЩЕНИЕ В СЛУХ

«Лениздат», «Команда А» Четверо интеллигентных выходцев из России — супруги средних лет и едва знакомые друг с другом девушка и юноша — в швейцарском отеле бесконечно слушают и обсуждают истории. Только в отличие от «Декамерона» истории не их собственные, а рассказанные в ходе некоего научного эксперимента простыми россиянами. Чем дольше, тем горячее споры, тем напряженнее отношения между слушателями, которых свет под одной крышей случай, каприз погоды. О чем же они говорят? Как и положено интеллигентам — о русском характере и загадке русской души. Недаром имя Достоевского чаще всех прочих упоминается в беседах.

Интересно, что исповеди, вызывающие и у читателя бурю мыслей и чувств, — не придуманы. Это интервью, взятые Познизовским и психологом Татьяной Орловой на городском рынке и в областной больнице — у продавцов и покупателей, врачей, медперсонала и пациентов. Восхищает уже сама смелость замысла: влести в роман фрагменты настоящих жизней. (Отрывок из романа — на 6-й странице Книжного клуба.)